

бескровной, «неправедной» смерти – быть утопленными, задушенными или повешенными²³. Таким образом, отношение к смерти у них специфически религиозное, идущее от исламских догматов. Для советских «безбожников», воспитанных тем не менее в культуре, имевшей христианские корни, это было весьма непривычное и странное мировоззрение, вызывавшее резкое неприятие.

В свою очередь для душманов «шурави» были не только чужеземцами, вставшими на сторону непопулярной политической группировки, которая, захватив центральную власть, стала разрушать вековые традиции, оскорбляя чувства верующих (закрывались мечети, расстреливались муллы, привлекались к общественной жизни женщины и т.д.)²⁴. Они были «кафирами» (поборниками иной веры), и война с ними считалась священной, получившей благословение Аллаха. Не случайно перерастание борьбы оппозиции кабульскому режиму в «священную войну» – джихад – проявилось практически сразу после ввода в страну ограниченного контингента советских войск. Возможно, именно это обстоятельство наряду с общей психологической напряженностью вызывало в советских войсках вспышки религиозности среди атеистов: у людей возникала настоятельная потребность противопоставить уверенному в своей «праведности» неприятелю нечто равноценное в духовном плане. Идеологические клише, звучавшие на политзанятиях, для этого уже не годились: в реальной обстановке Афганской войны они выглядели беспомощными и нелепыми.

Впрочем, у некоторых воинов-«афганцев» наблюдался скорее прагматический подход к религии. Так, сержант-десантник Юрий Е. в 1983-м писал матери из Афганистана: «Получил я твои письма и молитву, но, мам, ты не обижайся, я ее выучить не могу, у меня уже есть одна молитва, правда, не из Библии или Евангелия, а из Корана. Кстати, Коран здесь может больше помочь, были такие случаи, когда душманы отпускали наших солдат, когда те им читали молитвы из Корана, они здесь все верующие»²⁵. Известно, что многим из попавших в душманский плен советским солдатам для того, чтобы выжить, приходилось принимать ислам. Один из источников приводит распространенную формулу моджахедов, когда они предлагали сдаться окруженным советским солдатам: «Мусульман, выходи, живой будешь. Шурави, сдавайся, не больно резать будем!»²⁶.

В превращении Афганской войны из сугубо внутреннего политического конфликта в противостояние с резко выраженной религиозной окраской во многом виновны тогдашние афганские революционные власти и пошедшее у них на поводу советское руководство, допустившее грубый просчет не только своим вмешательством в дела чужой страны, но и поощрением союзников в их атеистическом радикализме. Попытка совершить скачок из традиционного исламского общества в «социализм» обернулась мощной активизацией религиозного фактора, превращением ислама в знамя оппозиции светскому режиму Кабула. Пренебрежение чувствами верующих в мусульманской стране, стремление отодвинуть религию на второй план закономерно спровоцировали реакцию отката: «непримиримые», сменившие у власти революционеров после ухода СССР из Афганистана, оказались гораздо консервативнее, чем свергнутый ранее королевский режим²⁷. Затем на смену им пришли еще большие исламские фанатики, радикалы-фундаменталисты из поддерживаемого Пакистаном движения «Талибан», а Афганистан превратился в один из центров международного терроризма.

Ислам – не только религия. Это образ жизни и мыслей, ядро целой цивилизации – чуждой и до конца непонятной, отторгающей чужака-европейца. В Афганистане это было особенно заметно, потому что обычаи, характерные для исламского мира в целом, накладывались на тысячелетние традиции народа, который всегда выходил победителем в борьбе с внешним врагом, и любые попытки вторжения на его территорию заканчивались для завоевателей плачевно. В любом кишлаке, у каждого племени, рода и клана существует свое ополчение, так называемая «лашкара». Численность таких отрядов может составлять от десятка до нескольких тысяч человек (в межплеменных формированиях). А так как место погибшего воина по освященному веками обычаю обязан занять сын, брат, любой другой родственник или соплеменник, то «война с «лашкарой» для любой регулярной армии бесперспективна, если речь не идет о победе любой ценой»²⁸. Даже незначительное